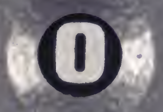
V 1974

4 4 7

ТУ 19—32—73

2

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—127

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ

ПАВЛИК-ФАНФАРИСТ

ХУДОЖНИК В. ШЕВЧЕНКО

Писатель Л. В. Успенский был участником гражданской войны. Как каждый солдат на фронте, он видел много подвигов, слышал ещё больше необыкновенных рассказов о них. В основу диафильма, который вы сейчас увидите, положен один из таких рассказов — о маленьком музыканте Павлике Круглове.

Командир небольшого красноармейского отряда получил приказ перевалить через горы и там, за косматым их хребтом, присоединиться к другим частям Красной Армии. И вот отряд шёл...

Дикими и непривычными кручами встали Кавказские горы над красноармейцами: никто из них и во сне не видел таких мест.

Всё поражало их: отвесные громады скал, неистовый бег горных речек, неподвижные орлы, сидящие на страшных утёсах.

6

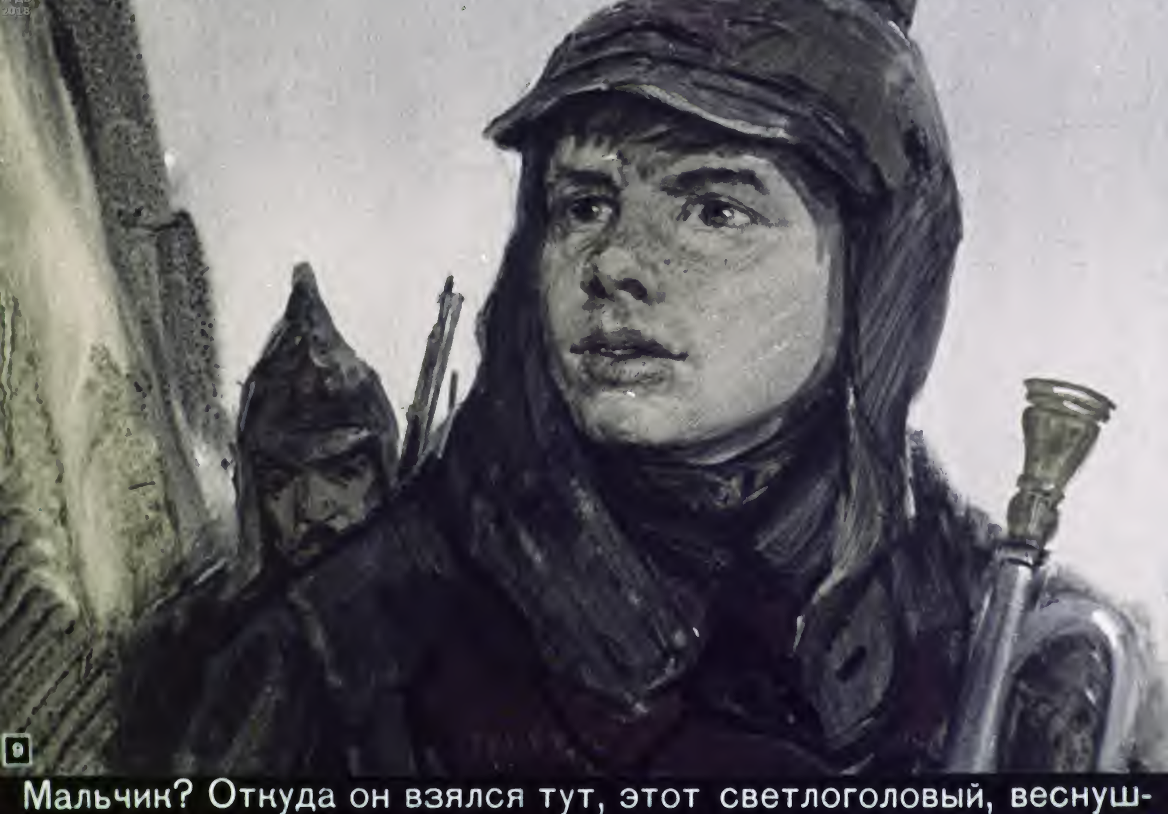
Хлюпая по размокшей глинистой тропе тяжёлыми солдатски-
ми башмаками, бредут красноармейцы.

Воевать в этих горах и командиру никогда ещё не приходилось. Здешние горные тропы были ему незнакомы. Только один человек знал дорогу — смуглый горбоносый старик-осетин. Коста Абаев знал свои горы, как знает их ветер, что день и ночь кружит по самым диким ущельям.

Большим счастьем было найти такого проводника. Он уверенно шагал каменной тропой впереди отряда, а за ним, стараясь ступать так же твёрдо и спокойно, шёл мальчуган лет двенадцати.

9

Мальчик? Откуда он взялся тут, этот светлоголовый, веснушчатый паренёк в стареньkой будёновке?

– Павлушка-то? Да брали город сибирский, Канск, нашли на станции на путях, в пустом вагоне чуть живого, голодного... Сидит в углу, фанфару свою к груди прижал... Сколько ни спрашивали – чей, откуда – молчит. А заиграет на своей трубе – лучше не услышишь.

Вот и шагает теперь Павлик Круглов вместе с отрядом; казённая шинелишка на плечах, блестящая фанфара в руке...

12

Вплотную к каменной стене лепилась извилистая тропинка, такая узкая, что идти по ней можно было только гуськом. Так и шли, винтовки наготове, осторожно переступая над бездонной пропастью.

13

Цокают копыта трёх лошадей – командирской, адъютантской, комиссаровой. На двух большеухих осликах везут пулемёты.

Два дня шёл отряд, поднимаясь всё выше и выше. А на третьи сутки кругом забелел сплошной снег. Огромными толщами лежал он на могучих боках гор, тяжёлыми шапками покрывал головы утёсов.

Всё озабоченней хмурился лоб старого Косты Абаева. Всё чаще качал он повязанной башлыком головой. Старик знал путь через горы, но сделать его легче или короче он не мог.

И вот пришли к такому месту, каких до тех пор ещё не видели. Казалось, нырнёшь сейчас в бесконечный, голубовато-белый туннель, в пещеру, из которой и выхода не видно: справа – скала, сверху – снег, слева – бездна...

Старый проводник остановился. Как горный орёл, неторопливо поворачивая горбоносую голову, он огляделся и подозвал командира.

– Смотри, – сказал Коста Абаев, – видишь? Пройти можно, почему не пройти? Но ходить надо, как барс ходит. Чтобы нога не топнула. Чтобы ни слова не сказать. Крикнешь, стукнешь – снег вниз побежал, загрохотал, и – конец! Маленький отряд, большой отряд, целый полк – всем смерть.

Командир скомандовал: „Ти-хо!"–Тревожно замолчали люди.

20

Морды осликов и коней обвязали тряпками: мало ли... Обмотали и металлические части винтовок, пулемётов: боялись самого слабого стука.

Друг за другом входили красноармейцы вслед за проводником в страшный туннель. Дохнуть боялись, шли в гробовой тишине, точно это были не люди, а призраки.

Последний боец вышел на том конце из ледяного туннеля. Пронесло! Лавина не обрушилась: горы пропустили маленький отряд.

И Павлик Круглов спросил старого горца: „Дедушка! А если бы я там... ну... взял бы да и заиграл? – Он поднял свою фанфару. – Что бы стало?“

Коста Абаев ласково положил руку Павлику на плечо: „Горы зимой спят. Не надо их будить. Когда спят – шума не любят. Сыграть не успеешь, смерть раньше придёт!“

Отряд тронулся в путь. За перевалом дорога пошла вниз. Вот и снега кончились, опять начался густой лес. Повеселели люди, думали – скоро привал, отдых, встреча со своими...

А впереди ждал не отдых – беда. К вечеру того дня отряд попал в засаду. В лесу, спрятавшись за стволами деревьев, за каменными глыбами, ждали враги. Замелькали огоньки выстрелов, заговорили пулемёты, дробью рассыпалось горное эхо.

Штыками, яростно, как львы, отбивались люди красного отряда. Но слишком мало было их...

28

В жестоком бою полегли все – в плен белые не брали. Раненых приканчивали тут же.

Кто знает, почему они оставили в живых Павлика: верно, просто руки не дошли. Спросили было полковника в папахе: „Ваше благородие, а мальца куда?“ – А тот отмахнулся: „Потом разберёмся!“

И солдаты поняли так, что велено не убивать, с собой вести. Толкнули парнишку на брошенную охапку сена: „Тихо лежать, красный щенок!“ – А командир просто забыл про Павлика.

31

Белые солдаты разожгли костры. Грелись, громко смеялись, играли на гармошках...

А мальчик лежал и плакал. Смеются!.. А тут же рядом, в лесу, лежат на сырой земле мёртвые — самые дорогие Павлину люди. Командир отряда лежит. Политрук Иван Анимыч. И дедушка Коста, и барабанщик Петя... Лучше бы и его убили, Павлика!

Теперь солдаты уже не шумели, не смеялись. В горах люди быстро устают: все спали. А Павлик не мог спать. Он всё плакал, плакал, а когда слёз не осталось, стал думать. И если бы белые узнали его мысли, они тут же застрелили бы его на месте.

На рассвете белый полк двинулся в горы той же тропой, какой вчера спустился вниз Павликов отряд.

Выше, выше... К полудню добрались до того самого туннеля, сквозь который вчера благополучно прошли красноармейцы. Всё повторилось, как тогда. Командир полка был местный человек, кавказец. – „Ти-хо!“ – от солдата к солдату побежал приказ.

Усатый фельдфебель больно ткнул мальчика в бок: „Эй, парень, слышал? Вякнешь, чихнёшь – на месте убью!“ – „Слышу“, – негромко ответил Павлик и сжал холодными пальцами свою фанфару.

Белый полк со знаменем впереди, с оркестром, испуганно молчавшим, начал проход через роковое место. Зашевелилась длинная змея: это люди шли гуськом по двойному извиву дороги. Шли тихо, совсем тихо, как волки ночью.

И вдруг!.. Полковник резко выпрямился в седле: там, у входа в белую пещеру... – „Проклятый мальчишка!“

Страшное увидел он в свой последний миг: маленького фанфариста на краю дороги. Мальчик высоко вскинул блеснувшую на солнце трубу. Звонкий серебряный звук ворвался в настороженную тишину гор.

В тот же миг кто-то из солдат в смертном страхе, не понимая, что делает, бросил к плечу винтовку.

41

Грянул выстрел. Пуля пробила навылет грудь фанфариста. Он упал в снег. Упала и покатилась в пропасть его навсегда замолчавшая серебряная фанфара.

Но её звук уже сделал своё дело. В первую секунду только несколько лёгких комочков снега, как белые мыши, побежали друг за дружкой вниз по склону. Солдаты, офицеры, кони — всё заметалось на узкой тропе.

43

Напрасно! Всё больше снежных комков, всё тяжелее они. На миг над дорогой, как занавес, вдруг нависла белая пелена, точно хлынула водопадом сухая снежная река.

И горы вздохнули коротко, тяжко. Миллионы тонн снега, сорвавшись, со свистом, рёвом, грохотом рванулись через тропу в пропасть.

Сразу же настала мёртвая тишина. Не было нависшей над тропой снежной крыши. Не было и самой тропы. И людей тоже не было. Ни одного! Остался только ровный склон горы да туманная глубь пропасти. Там в одной могиле навеки легли теперь полторы тысячи белогвардейцев и их победитель Павлик Круглов, двенадцатилетний фанфарист.

КОНЕЦ

Редактор В. Кузнецова
Художественный редактор А. Морозов
Д-242-65
Студия „Диафильм", 1965 г.
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20. Цветной 0-30